

Изъ Подольской старины.

II ¹⁾.

Поступленіе въ Приворотское духовное училище. — Первые впечатлѣнія. — Учителя. — Ихъ отношеніе къ дѣлу и ученикамъ. — Наказанія. — Аудиторы. — Внешній и внутренній бытъ учениковъ училища. — Развлеченія. — Рекреация. — Экзамены. — Путешествія на каникулы домой. — Переводъ училища изъ с. Приворотья въ Баръ. — Мое окончаніе училища и поступленіе въ Подольскую духовную семинарію.

Минуло мнѣ 10 лѣтъ. Родственники начали поговаривать объ опредѣленіи меня въ духовное училище или, какъ тогда его называли, въ бурсу. Осенью 1837 г. дядя, покончивъ со всѣми полевыми работами, запрегъ четверку лошадей и повезъ меня въ гор. Каменецъ. Въ то время былъ такой порядокъ, что опредѣленіе въ духовное училище зависѣло отъ ректора семинаріи. Явился со мною дядя къ ректору, архимандриту Наанаилу; но въ виду запозданія тотъ отказалъ дядѣ въ его усиленной просьбѣ о принятіи меня въ бурсу. Пришлось отправиться домой. Такой же результатъ былъ и въ слѣдующемъ году. И только въ 1839 г. счастье улыбнулось, и я былъ принятъ въ Приворотское духовное училище ²⁾. На этотъ разъ меня

¹⁾ См. „Русская Старина“, июнь 1911 г.

²⁾ Когда въ гор. Каменецъ-Под. была учреждена епископская кафедра (1795), то архіерейскій домъ получилъ отъ казны въ свое владѣніе село Приворотье. Первый епископъ Иоанникій часто наѣзжалъ сюда, потому что

повела пѣшкомъ въ городъ сама мать. Пришли мы къ ректору семинаріи, которымъ въ то время былъ уже архимандритъ Софонія. Не привѣтливо онъ встрѣтилъ насъ. На слезную просьбу матери онъ рѣзко замѣтилъ:

— Что такъ поздно, старуха, привела сына?

Было это уже послѣ Покрова. Мать оправдывалась. И только послѣ усиленной мольбы, поклоновъ и цѣлованія рукъ ректоръ взялъ клочекъ бумажки, написалъ на немъ что-то и передалъ матери для врученія секретарю семинарскаго правленія. Пошли въ канцелярію. Секретаря здѣсь не оказалось, а къ намъ вышелъ семинаристъ въ простомъ нанковомъ сюртучкѣ съ заплатами на рукавахъ. Очевидно, онъ исправлялъ обязанности писмоводителя правленія. Это былъ Доманскій, впоследствии епископъ иркутскій. Онъ взялъ представленную матерью ректорскую записку, пробѣжалъ ее и затѣмъ на подобномъ же листочкѣ бумаги написалъ нѣчто вродѣ отношенія. Въ этомъ отношеніи говорилось, что если въ училищѣ есть мѣста, то принять Ковальскаго до усмотрѣнія. Велика была радость моей бѣдной матери!.. По тому же образу пѣшаго хожденія направились мы въ с. Приворотье, отстоящее отъ Каменца въ 30 верстахъ. Явились къ смотрителю училища Глищинскому. Тотъ съ перваго же слова тоже замѣтилъ матери, что учебныя занятія давно уже начались, и что я опоздалъ. Мать со слезами на глазахъ умоляла его:

— Примите, ваше высокоблагородіе, сынъ вже великовозрастный, винъ добре знае читаты и писаты. Прѣшу васъ, ваше высокоблагородіе, примите его, да бѣйте его, шельмеца, чтобы изъ него что вышло.

— Ну, матушка, замѣтилъ тотъ, за это не безпокойся. Такимъ образомъ я былъ принятъ въ первый классъ училища, а какъ сирота считался казеннокоштнымъ, денегъ за содержаніе не платилъ и долженъ былъ жить въ корпусѣ, а не на квартирѣ. Въ мое время училище состояло такъ же, какъ и нынѣ, изъ четырехъ классовъ, но въ каждомъ классѣ непременно нужно было пробыть два года, такъ что весь курсъ духовнаго училища былъ восьмилѣтній.

Училищный персоналъ состоялъ изъ смотрителя, инспектора и четырехъ учителей; въ I и II классѣ—по одному, въ III классѣ—

мѣстность эта ему очень нравилась. Здѣсь онъ соорудилъ храмъ во имя Св. Николая Чудотворца, а потомъ задумалъ устроить училище преимущественно для сиротъ и дѣтей бѣднаго духовенства. Мысль свою преосвященный скоро осуществилъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи много строительнаго матеріала и даровыя рабочія руки, онъ выстроилъ зданія, и во второмъ десятилѣтіи прошлаго столѣтія такимъ образомъ было открыто Приворотское духовное училище, существующее и донинѣ.

два учителя, въ IV же классѣ преподавали смотритель и инспекторъ. Учителемъ перваго класса при моемъ поступленіи былъ нѣкто Кулаковскій, окончившій курсъ духовной семинаріи, изъ комиссаровъ¹⁾. Благодаря этой должности, налагавшей на него экономическія дѣла, онъ не ходилъ на уроки и только по милости былъ переводимъ изъ класса въ классъ. Неудивительно потому, что, уже будучи учителемъ, онъ плохо читалъ по-славянски, преподавалъ неумѣло и сообщить знаній своимъ ученикамъ не могъ.

По тогдашнему обычаю я, какъ новичекъ, сталъ у порога класса. Подошедшій учитель Кулаковскій, увидя меня, лаконически замѣтилъ: „садись“. Сначала я былъ посаженъ послѣднимъ на правой партѣ. Нужно замѣтить, что разсаживали тогда большею частью по успѣхамъ, оказываемымъ по предметамъ извѣстнаго класса, такъ что въ одинъ день можно было перемѣнить нѣсколько мѣстъ. Съ большимъ вниманіемъ я началъ осматривать обширную классную комнату и прислушиваться ко всему, что здѣсь говорилось. Въ классѣ находилось человѣкъ 160. По возрасту да и по познаніямъ своимъ учащіеся въ немъ представляли разнокалиберную толпу. Здѣсь можно было видѣть и дѣтей лѣтъ 7, но рядомъ съ ними сидѣли дѣтны лѣтъ въ 20 и болѣе, брившіе бороду и усы. Такое разнообразіе въ возрастѣ учениковъ объяснялось тѣмъ, что въ описываемое время часто посылали въ училище дьячковъ, научившихся или самоучкою или у старыхъ грамотеевъ только читать, посылали съ тою цѣлію, чтобы сколько-нибудь приготовить ихъ въ причетники, т. е. научить священной исторіи, катихизису и обиходу. Такихъ великовозрастныхъ учениковъ въ мое время было на классъ человѣкъ 10.

Учащіеся сидѣли за длинными партами по 8—10 человѣкъ на каждой, а иные даже стояли на ногахъ за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ. Парты были расположены въ два ряда. Средина между ними была не занята; у стѣны противъ дверей поднималось возвышеніе для учителя, впереди же партъ оставалось незаставленное мебелью пространство, гдѣ обыкновенно производили экзекуцію.

Въ первомъ классѣ изучали краткую священную исторію ветхаго и новаго завѣта и краткій катихизисъ, читали славянскую псалтырь, а по-русски—псалтырь въ русскомъ переводѣ, по счисленію прохо-

¹⁾ Должность комиссара въ семинаріи обыкновенно исправляли воспитанники, такъ или иначе обнаружившіе свои способности въ области экономіи. Въ свободное время они прислуживали ректору въ качествѣ лакея, напр., стояли на запяткахъ его кареты, когда онъ выѣзжалъ по своимъ дѣламъ, подавали одежду и т. п.

дили арифметическія дѣйствія, обучались и церковному обиходу. Помню, на другой день послѣ моего поступленія былъ „Обиходъ“. Меня еще дома научили нотамъ по пальцамъ (пальцы служили нотною скалою). Приходитъ учитель и приказываетъ мнѣ проѣтъ нотную азбуку по порядку. Я говорю, что азбуки не знаю, но могу проѣтъ по обиходу дальше: „Благослови, душе моя, Господа“... „Пошелъ“, крикнулъ рѣзко учитель. Это означало, что я долженъ идти на обычное мѣсто для наказаній. Дали мнѣ тогда три горячихъ. На другой день выучилъ я азбуку на всѣ лады. Спрашивается... Знаю. Послѣ того Кулаковскій провѣрилъ мои знанія по чтенію и исторіи. Хотя я поступилъ уже спустя продолжительное время послѣ начала занятій, тѣмъ не менѣе успѣлъ въ короткое время догнать своихъ товарищей, благодаря своей хорошей памяти. Нужно замѣтить, что памятью я отличался во все время ученія. Для меня, бывало, достаточно было прочесть что-нибудь одинъ разъ, чтобы я точно повторилъ прочитанное, въ то время когда другіе употребляли на это цѣлые часы, какъ напр. Даніиль Стрѣльбицкій, впоследствии архіепископъ воляскій. Онъ былъ очень неспособный ученикъ. Жалко бывало смотрѣть на него, когда онъ мучился за зубреніемъ урока. Ходитъ, бѣдняга, по комнатамъ или заткнетъ уши руками, закроетъ глаза и твердитъ: что есть географія, что есть географія? Географія есть наука, географія есть наука и такъ разъ 10—15, потомъ снова нѣсколько словъ и т. д. Бойкіе отвѣты мои такъ понравились Кулаковскому, что онъ посадилъ меня первымъ въ своемъ классѣ.

Учитель Кулаковскій былъ у насъ всего треть года, а потомъ перешелъ во 2-й классъ. Преподавалъ онъ, какъ я замѣтилъ, плохо. По-славянски читали по слогамъ на распѣвъ. Одинъ изъ учениковъ отбивалъ тактъ, а остальные во весь голосъ читали подъ тактъ по слогамъ въ одинъ тонъ заданное мѣсто. При этомъ крикъ и шумъ стоялъ страшный. По другимъ предметамъ требовался отвѣтъ наизусть по книжкѣ. Если кто ошибался, пропускалъ нѣсколько словъ, это уже считалось незнаніемъ урока, и виновный подвергался наказанію, болѣе или менѣе строгому, смотря по расположенію и настроенію учителя: ставили на колѣни, наказывали линейкой „въ лапу“, розгою.

Вмѣсто Кулаковскаго учителемъ къ намъ былъ назначенъ нѣкто Θεодосій Левицкій. Онъ велъ уроки иначе. На урокахъ священной исторіи, онъ, напримѣръ, прочитывалъ главу изъ Библии, объяснялъ ее, а ученики должны были повторять сказанное. Поэтому-то я Пятикнижіе Моисеево зналъ очень хорошо. Иногда онъ обращался къ ученикамъ съ такимъ вопросомъ: „что значитъ — отъ Васана

обрящу во глубинахъ морскихъ?“ и мы должны были на основаніи Библии объяснить данное выраженіе Псалтыря. На урокахъ славянскаго языка дѣлать было нечего; поэтому онъ давалъ заучивать псалмы наизусть. Проговоришь заданное и сиди. Такимъ образомъ большинство изъ насъ знали наизусть 11 каѳизмъ. Но плохо приходилось незнавшимъ урока. Надъ ними Левицкій прямо таки издѣвался. Напр., онъ ставилъ малоуспѣвающаго ученика на колѣни, а другому ученику приказывалъ рвать тому волосы или самъ беретъ стоящаго за уши и начинаетъ качать его голову. Бѣднягѣ иной разъ дѣлается дурно, появляется рвота, а нашъ учитель и глазомъ не моргнетъ, ни одинъ мускулъ его лица не дрогнетъ. Иногда онъ заставлялъ провинившагося ученика стоять на одной ногѣ съ протянутой вверхъ рукой, при чемъ одинъ палецъ долженъ сгибаться и разгибаться. Онъ наблюдаетъ. Кто перемѣнитъ ноги или покачнется, опуститъ руку—порка. А нужно замѣтить, что въ училищѣ били и сѣкли безсовѣстно, иногда засѣкали до потери сознанія. Глубокое впечатлѣніе произвела на меня происшедшая вскорѣ послѣ моего поступленія въ училище сѣкуція нѣкоего Сили (Сильвестра) Терлецкаго. Дѣло было такъ. Ученики перваго класса сидѣли въ „занятныхъ“ комнатахъ. Рядомъ съ Силей помѣщался ученикъ Кореневскій. Послѣдній шутки ради щелкнулъ Силу въ носъ. А нужно замѣтить, что Силу страдалъ хроническимъ насморкомъ. Получивъ непріятность отъ товарища, а, можетъ быть, и отъ боли, Силу не выдержалъ, сорвался съ мѣста и бросился за Кореневскимъ. Началась бѣготня вокругъ стола. Тогда Кореневскій моментально выбѣжалъ изъ комнаты во дворъ, разъяренный Силу за нимъ. На заднемъ дворѣ была загородка для свиней, вокругъ которой они и начали бѣгать. Вдругъ Силу сообразилъ и моментально повернулъ въ обратную сторону. Кореневскій, не ожидая такого маневра, конечно, столкнулся съ противникомъ, который и ударилъ его съ силою ногой въ нижнюю часть живота. Кореневскій падаетъ безъ чувствъ. Бывшіе тутъ ученики подняли крикъ: „Силу убилъ Кореневскаго“. Скоро явился училищный фельдшеръ и распорядился унести побитаго въ больницу. Дали знать о случившемся смотрителю. По его распоряженію взяли Силу, какъ убійцу связали, привели въ одну изъ комнатъ и тамъ подвязали его на веревкѣ къ потолочной балкѣ. Такіе были порядки.

Въ такомъ положеніи онъ находился ночь съ воскресенья до 12 часовъ дня понедѣльника, когда назначено было общее собраніе начальствующихъ, учителей и учениковъ. На этомъ собраніи Терлецкому былъ прочитанъ приговоръ и объявлено наказаніе въ 200 розогъ.

Били ужасно въ двѣ пары сажеными лозами. Разложили бѣднаго Силю поперекъ корридора, два изъ учениковъ сѣли на его ноги и голову, а опытные „спекуляторы“¹⁾ изъ воспитанниковъ дѣлали свое страшное дѣло. Во время экзекуціи ученики разогнаны были по классамъ. Наказываемый подъ розгами не кричалъ, а положительно рычалъ. И теперь нельзя вспомнить безъ содроганія объ этой безобразной сценѣ. Послѣ наказанія Силю отправили въ больницу, гдѣ онъ и пробылъ до полного заживленія ранъ. Между тѣмъ оказалось, что Кореневскій не такъ пострадалъ, какъ думали сначала, а притворился, Силя же такимъ образомъ получилъ, если не вполнѣ несправедливое, то во всякомъ случаѣ не заслуженное наказаніе.—Припоминается еще такой случай съ упомянутымъ учителемъ Ѡ. Левицкимъ. Какъ-то разъ послѣ уроковъ учителя Билинскій и Левицкій вмѣстѣ обѣдали. По обыкновенію имъ прислуживали ученики, особо для того назначенные и исполнявшіе вмѣсто служителей, которымъ нужно было платить деньги, всѣ черныя работы для учителей. Вѣроятно, учителя за обѣдомъ выпили. Какъ бы то ни было, но въ концѣ обѣда Билинскій и говоритъ Левицкому: „на позднихъ классахъ у меня будетъ Уставъ и славянское чтеніе. Я пришлю къ тебѣ своихъ учениковъ, которые не отвѣтятъ урока, какъ хочешь, такъ съ ними и расправляйся“. Настали поздніе классы. Сидимъ... Вдругъ открывается дверь, входитъ одинъ ученикъ, за нимъ другой, третій... десятый... Вошло человѣкъ 20—30, словомъ, заполнили весь промежутокъ между партами.

— „Вы чего пришли?“ вопрошаетъ нашъ суровый педагогъ.

— „Для срама“, скромно и виновато отвѣчаютъ тѣ.

— „Пришли для срама?.. Соблазнять мальчишекъ моихъ?..“ закричалъ Левицкій. Соболевскій (спекуляторъ) есть?

— „Есть“, гудитъ голосъ изъ-за задней парты. Выходитъ Соболевскій, неся цѣлый спопъ розокъ.

— „Цихоцкій и Деревенскій есть?“ вскрикиваетъ снова учитель.

— „Есть“, и другъ за другомъ выходятъ „возьмители“, на которыхъ лежала обязанность держать наказуемыхъ за голову и ноги.

¹⁾ Спекуляторы, на обязанности которыхъ было сѣчь провинившихся учениковъ, избирались изъ великовозрастныхъ воспитанниковъ. Учебнымъ дѣломъ они не занимались, но розгою владѣли артистически. Одинъ изъ нихъ, Крамарскій, 6 лѣтъ сидѣлъ во второмъ классѣ, изъ котораго былъ потомъ уволенъ.

Началась порка. Одинъ изъ предназначенныхъ къ наказанію какъ-то вырвался и убѣжалъ изъ класса. Левицкій приказалъ запереть классъ на ключъ. Порка продолжалась. По сосѣдству былъ IV классъ, гдѣ ученики занимались письменнымъ упражненіемъ въ отсутствіе наставника. Услыша неистовые крики истязуемыхъ, они подбѣжали къ дверямъ нашего класса, стучали ногами и кричали безъ боязни, что тамъ такое дѣлается?

Но напрасно; педагогъ не давалъ знака окончить наказаніе.

Наконецъ, дали знать о совершающемся смотрителю. Но и тотъ, считая это дѣломъ естественнымъ, замѣтилъ лишь посланному „ступай“ и углубился въ чтеніе книги. И только послѣ того, какъ вступился въ дѣло учитель Кулаковскій, родственникъ выбѣжавшаго и такимъ образомъ избѣгшаго наказанія, ученика, смотритель пришелъ въ классъ Левицкаго и своею властію прекратилъ сѣкцію. Многихъ тогда такъ выпороли, что ихъ отослали въ больницу. О происшедшемъ было донесено въ правленіе семинаріи. Надвигалась гроза. Помню, дѣло было предъ зимними экзаменами. Сидимъ въ комнатѣ и зубримъ уроки. Сальная свѣча еле мерцаетъ. За стѣнами вѣтеръ воетъ, свиститъ, бьетъ въ стекла снѣгъ. Вдругъ послышался гдѣ-то вблизи звонъ колокольчика. Кто-то изъ болѣе шустрыхъ учениковъ выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ минуту возвратился, объявивъ во всеуслышаніе: „кто-сь то пріихавъ со дзвннкомъ“.

Скоро выяснилось, что пріѣхавшій былъ ректоръ Подольской семинаріи Софонія, явившійся для дознанія по доносу о дѣйствіяхъ Левицкаго. Выбѣжалъ изъ квартиры перетрусившій смотритель, и не думавшій о такомъ гостѣ...

— „Фонарь!.. Гдѣ больница?“ были первыя слова ректора.

Моментально появился зажженный фонарь, и смотритель пошелъ впереди, показывая дорогу своему начальству.

Пришли въ больницу. Ректоръ лично освидѣтельствовалъ всѣхъ бывшихъ здѣсь учениковъ, подробно распросилъ ихъ о случившемся, при чемъ по мѣрѣ того, какъ предъ его глазами, какъ бы въ дѣйствительности, развертывалась безобразная картина истязанія во всей своей неприглядности, онъ, много видѣвшій на своемъ вѣку подобныхъ сценъ, не могъ удержаться и пускалъ по адресу учителей не особенно лестные эпитеты: безобразники, скоты, изверги и т. п.

На другой день ректоръ назначилъ экзаменъ въ IV классѣ, гдѣ былъ учителемъ Билинскій, утромъ, а вечеромъ въ классѣ Левицкаго.

Ректоръ является на экзаменъ и въ присутствіи учениковъ на-

чинаетъ допрашивать Билинскаго по поводу происшедшаго. Тотъ оправдывалъ себя, говоря: „я посылалъ своихъ учениковъ для посямленія, чтобы онъ (Левицкій) поставилъ ихъ на колѣни, а не для наказанія розгами“. Послѣ допроса начался экзамень. Для того, чтобы заглядить свою вину, Билинскій постарался показать себя предъ начальствомъ опытнымъ учителемъ и, говорятъ, въ продолженіе часа на всѣ лады разъяснялъ первый стихъ I главы Евангелія отъ Іоанна... 'Εν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος и д... Во всякомъ случаѣ Билинскій не получилъ даже и выговора отъ ректора.

Вечеромъ ректоръ приходитъ въ классъ Левицкаго и вызываетъ меня, Ганзулевича и Герляховскаго, чтобы всѣ вмѣстѣ мы пропѣли „Благослови душе моя Господа“. Я никакъ не могъ попасть имъ въ тонъ. „Ты не способенъ, говоритъ ректоръ, иди на мѣсто“. Остальные спѣли. Послѣ этого ректоръ обращается къ Левицкому: „ты безобразникъ, негодяй и т. д. осмѣлился бить учениковъ“... tlectel!.. Левицкій послушно всталъ на колѣни. Жалка его была тогда фигура во фракѣ съ металлическими пуговицами въ покаянной позѣ и предъ учениками, на лицѣ которыхъ выражалось чувство удовольствія и злорадства при видѣ униженія своего учителя-палача. Левицкій простоялъ въ такой позѣ съ часъ времени. Говорили потомъ, что онъ былъ, кромѣ того, оштрафованъ за свой проступокъ въ размѣрѣ двухмѣсячнаго жалованья.—Подѣйствовало ли все это на Ѳ. Левицкаго? Не успѣлъ еще уѣхать ректоръ, онъ прибилъ нѣсколькихъ учениковъ, не удовлетворившихъ требовательнаго учителя своимъ отвѣтомъ.

Били иногда безъ всякой опредѣленной вины. Не спасали отъ этого ни успѣхи въ предметахъ, ни благоправное поведеніе.

Первымъ и особенно благоправнымъ ученикамъ обыкновенно поручалось слѣдить за классной тишиной до прихода учителя. Замѣченные въ неблагоповеденіи записывались на бумажку, отчего и самые ученики, дѣлавшіе записи, назывались „записчиками“.

Бывало такъ: смотритель Глицинскій, человекъ вспыльчивый, слышавъ шумъ, вбѣгаетъ въ классъ и кричитъ: „записчикъ, выходи“. Тотъ выходитъ и получаетъ 3—5 розокъ. Не мало ихъ такимъ образомъ доставалось и мнѣ, какъ записчику. Былъ и такой случай.

Шли лѣтніе экзамены. Производили ихъ въ III классѣ, присутствовали смотритель и учитель Зелинскій. Вдругъ смотритель вызываетъ старшаго этого класса К—рго, передаетъ ему написанную на клочкѣ тему для письменной работы и приказываетъ идти въ IV классъ и назначить ученикамъ его упражненіе. К—ій уходитъ. Учениковъ же IV класса не оказалось въ комнатѣ. Онъ побѣжалъ

во дворъ, въ садъ, чтобы собрать ихъ и исполнить порученіе смотрителя. Поиски его не увѣнчались успѣхомъ. Найденные же имъ нѣсколько человѣкъ сообщили, что ученики посланы женою учит. Зелинскаго въ лѣсъ за грибами къ обѣду. Кр—ій, ничтоже сумняся, является и объявляетъ смотрителю во всеуслышаніе то, что узналъ и почему не выполнялъ даннаго ему порученія. Зелинскій сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Смотритель же, или видя въ поступкѣ старшаго дерзость по отношенію къ учителю, или же изъ желанія вывести послѣдняго изъ неловкаго положенія, крикнулъ: „къ дверямъ!“ И бѣдный Кр—ій, не виновный ни въ чемъ, долженъ былъ идти къ дверямъ и получилъ нѣсколько горячихъ.

Конечно, въ первое время послѣ поступленія въ училище, тяжело было на все это и смотрѣть и испытывать, но потомъ мы такъ привыкали ко всему, что даже и не содрогались ни при дикихъ выкрикиваніяхъ учителей и начальниковъ, требовавшихъ „лозу“, ни при неистовыхъ вопляхъ несчастныхъ учениковъ.

Когда я перешелъ во 2-й классъ, въ то время учителемъ здѣсь былъ Басарскій. Ученики его не любили. Былъ онъ человѣкъ нелюбимый. Правда, онъ мало билъ, но за то ругался артистически. Любимымъ его выраженіемъ было: „эй ты, собачья голова!“ Вскорѣ же онъ вышелъ изъ училища, а на его мѣсто поступилъ Елисей Максѣановичъ. Это уже былъ новый типъ учителя, совершенно непохожій на описанныхъ. Онъ никого не билъ и не сѣкъ, относился къ ученикамъ ласково и участливо. Не удивительно поэтому, что онъ пользовался симпатіями учениковъ. Это обстоятельство способствовало даже вообще успѣху учебнаго дѣла. Максѣановичъ толково преподавалъ свои предметы. Учились всѣ хорошо. Плохіе отвѣты учениковъ огорчали этого учителя, а потому, чтобы не доставить ему непріятности, не досыпали ночей, лишь бы выучить заданное.

— „Не знаешь урока?“ говаривалъ онъ неисправному ученику, „я плачу“—и онъ закрывалъ руками лицо, показывая видъ, что онъ какъ будто горько, горько плачетъ о нерадѣніи ученика. „Почему ты не знаешь урока?“ спрашиваетъ онъ потомъ укоризненно.

Въ противоположность другимъ учителямъ, относящимся къ намъ съ презрѣніемъ и во всякомъ случаѣ свысока, Максѣановичъ вступалъ съ нами въ бесѣды, допускалъ шутки. Помнится такой фактъ. Экзамены лѣтніе у насъ обыкновенно кончались въ началѣ іюля, но распускали на каникулы не ранѣе 15 числа этого мѣсяца, когда изъ семинаріи приходило на то разрѣшеніе. Въ этотъ день происходило торжественное собраніе, на которомъ присутствовали всѣ учителя и ученики. Здѣсь читались списки учениковъ: кто оставался на по-

вторительный курсъ, кто переводился въ слѣдующій классъ, кому была награда назначена. Потомъ смотритель говорилъ рѣчь, въ которой хвалилъ прилежныхъ и успѣвающихъ учениковъ и порицалъ нерадивыхъ, оставшихся и увольняемыхъ изъ училища. Послѣ этого ученики расходились по классамъ, куда заходили учителя, чтобы попрощаться. Пришелъ въ нашъ классъ Максіановичъ и шутя спрашивалъ насъ: „ну, кого я не билъ“? подходилъ къ тому или другому и говорилъ: „ну, давай лапу... ну, будешь учиться“. Подошелъ и ко мнѣ и размахнулъ рукою, какъ бы намѣреваясь сильно ударить меня по ладоши. Какъ только онъ отпустилъ ее, я отдернулъ свою и рука учителя ударилась о доску парты. „Ну, вотъ ты, дуракъ“, замѣтилъ онъ спокойно. Другой бы учитель на его мѣстѣ избилъ бы меня.

Максіановичъ помогалъ нѣкоторымъ ученикамъ даже матеріально при всей скудости своихъ средствъ. И мнѣ разъ передъ отъѣздомъ на масляницу далъ на подводѣ 1 рубль, а такъ какъ у меня не оказалось еще и теплой верхней одежды, предложилъ мнѣ въ дорогу старый подрясникъ на ватѣ, служившій ему халатомъ. По возвращеніи своемъ въ училище съ каникулъ я отдавалъ ему его, но онъ подарилъ мнѣ его навсегда, говоря: „ну, пускай будетъ у тебя“. Къ сожалѣнію, этотъ учитель не долго прослужилъ въ училищѣ.

Въ III классѣ я снова встрѣтился съ прежнимъ своимъ учителемъ Ѡ. Левицкимъ, преподававшимъ латинскій языкъ и соединенные съ нимъ предметы; другимъ учителемъ былъ Петринскій. Этотъ былъ хорошій преподаватель. Скоро онъ, впрочемъ, ушелъ, а на его мѣсто поступилъ упомянутый уже Автономъ Зелинскій, человекъ недалекій, окончившій семинарію благодаря только напускному благочестію, а по достиженіи своей цѣли снявшій маску. Вышелъ потомъ и Левицкій, вмѣсто котораго учительствовалъ Діомидъ Строчкій, человекъ, не отличавшійся ни большими знаніями, ни учительскою опытностію. Потомъ и онъ ушелъ.

Вообще за 2 года, которые я провелъ въ III классѣ, очень часто перемѣнялись учителя.

Въ IV классѣ преподавалъ смотритель латинскій языкъ и инспекторъ греческій и соединенные съ нимъ предметы. Инспектора мы почти не слушали, потому что онъ постоянно болѣлъ, послѣ же его смерти долго не назначали другого. Предметы инспектора преподавали другіе учителя. Что касается смотрителя Нектарія, то это былъ человекъ умный, преподавалъ очень хорошо, уроки всегда разъяснялъ, но за то и строго взыскивалъ.

Таковы были наши учителя. Не многому они могли научить

насъ, тѣмъ болѣе что, не имѣя возможности, а иногда и охоты выспрашивать учениковъ, они полагались на аудиторомъ-слушателей, избранныхъ изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ для контроля за учениками. Эти аудиторы до прихода учителя въ классъ обязаны были провѣрять, знаютъ ли, или нѣтъ ввѣренныя его наблюденію ученики урокъ. Обыкновенно у каждаго аудитора были по 4 ученика. Знаніе или незнаніе урока по каждому отдѣльному предмету аудиторы отмѣчали въ особыхъ классныхъ журналахъ, называемыхъ нотатами или ратами, буквами зн. или незн. (въ 1 и 2 кл.) и sc.-nesc. (въ III и IV кл.). Учитель по приходѣ въ классъ бралъ нотаты, разсматривалъ ихъ, а потомъ справлялся съ тѣми, которые отмѣчены были незнающими.

Аудиторство при той постановкѣ, какая тогда существовала, не имѣло особенно серьезнаго значенія, т. е. не могло вліять на повышение успѣховъ учениковъ. Рѣдкій аудиторъ былъ честенъ и добросовѣстенъ. Аудиторы, особенно изъ казеннокоштныхъ, были склонны къ подкупамъ и за кусокъ хлѣба, данный незнающимъ урока ученикомъ, могли поставить и ставили отмѣтку въ нотатѣ: scit. Надѣясь на такую покладливость аудиторомъ, многіе пропускали уроки постоянно, не учили ихъ. Но за то жестоко и били учителя тѣхъ аудиторомъ, которые попадались въ своихъ продѣлкахъ, т. е. когда ученикъ, отмѣченный знающимъ, не могъ отвѣтить урока!..

Во внѣклассное время жили мы въ очень неприглядной обстановкѣ. Для житья отводились особыя комнаты въ другомъ корпусѣ. Комнаты эти назывались „номерама“ и отмѣчались цифрами: 1-й N, 2-й N и т. д. Въ каждомъ такомъ номерѣ жило отъ 15—30 человекъ изъ различныхъ классовъ. Во главѣ ихъ стоялъ „старшій“ изъ учениковъ IV класса, который былъ какъ бы непосредственнымъ начальствомъ своихъ сожителей и творилъ надъ ними судъ и расправу по своему усмотрѣнію. — Вообще было принято къ ученикамъ старшаго класса относиться съ уваженіемъ и оказывать имъ безпрекословное повиновеніе. Прислуги въ училищѣ было недостаточно, и ей приходилось только топить печи и изрѣдка мыть полы. Вся же остальная работа лежала на ученикахъ младшихъ классовъ. Они и убирали комнаты и чистили обувь и одежду старшихъ и были у нихъ на побѣгушкахъ во всякое время. Бывало на занятіяхъ слышится крикъ: „эй, коза (такъ старшіе называли младшихъ), принеси воды“. Берешь глечикъ, набираешь воды изъ бочки, стоявшей посреди двора, и несешь старшему. Иногда приходилось на часъ сбѣгать разъ 10. Впрочемъ встрѣчались изъ старшихъ и хорошіе, нетребовательные ученики, какъ напр. Даниль Стрѣль-

бицкій. Послѣдній иногда предупреждалъ малыша и, слышавъ крикъ какого-либо изъ своихъ товарищей, тихонько бралъ кувшинчикъ и приносилъ воду требующему ея. Въ награду за это ему были лишь насмѣшки да ругань. „Вотъ, Данило, дурной“! Такъ его всегда и звали.

Особенно тяжело было безотвѣтнымъ и скромнымъ ученикамъ. За неповиновеніе приказаніямъ старшаго маленькіе обыкновенно бывали жестоко биты. На всѣ эти порядки наши начальство смотрѣло сквозь пальцы и не удерживало старшихъ учениковъ отъ незаконныхъ дѣйствій. Лишь бы поддерживалась необходимая дисциплина.

Въ номерахъ ученики и занимались и спали. Обстановка комнаты была очень неприглядна. По срединѣ ея стоялъ громадный топорной работы столъ и скамьи, на которыхъ тѣсно размѣщались ученики. По стѣнамъ были расположены деревянные кровати. Ихъ было недостаточно, а потому нерѣдко на одной спало два ученика.

Въ гигиеническомъ отношеніи номера были прямо невозможны. Полъ, какъ я замѣтилъ, мылся очень рѣдко, вентиляціи не было. Неудивительно, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ заводилась масса всякой нечисти, паразитовъ. На койкахъ тюфяки были набиты какою-то шерстью, которая клочьями торчала изъ прорванной матеріи. Простыни были почти всегда грязны, потому что мылись и мѣнялись очень рѣдко. Сверху тюфяки прикрывались грубыми не подшитыми одѣялами изъ шерсти желтаго цвѣта. Въ щеляхъ коекъ гнѣздилась масса клоповъ, а въ тюфякахъ оказывались и болѣе неприглядные паразиты. Бѣлье учениками мѣнялось рѣдко, въ баю ходили разъ въ мѣсяць. Сброшенное бѣлье сваливалось въ кучу и лежало гдѣ-нибудь въ углу до тѣхъ поръ, пока прачкѣ не заблагоразсудится его забрать для стирки, да оно даже и не стиралось, а только прополаскивалось въ грязной копанкѣ. Вслѣдствіе такого мытья даже не зараженное бѣлье заимствовало паразитовъ къ удивленію владѣльцевъ. Вся эта грязь, нечистота являлась причиною того, что между учениками сильно были развиты сыпи разнообразнаго вида и особенно чесотка. Послѣдняя никогда не переводилась. Впрочемъ, эту болѣзнь и не считали чѣмъ-нибудь особеннымъ и почти не лѣчили. Иногда стонять человекъ 30 въ одну комнату, — велятъ раздѣться и намажутъ „шевскимъ дегтемъ“. — Въ занятныхъ комнатахъ было мало свѣта, по вечерамъ занимались при сальныхъ свѣчахъ. На столѣ полагалось ихъ по 2, но горѣла большею частію одна, потому что другою пользовались старшіе ученики; скопять такимъ образомъ и везуть на святки домой фунта

по 3. Отъ недостатка свѣта и грязи многіе страдали глазами болѣзнями. Былъ случай, что одинъ ученикъ (Корницкій) совершенно ослѣпъ и потомъ, вышедши изъ училища, всю жизнь побирался Христовымъ именемъ. Докторъ при училищѣ, конечно, не полагался, а фельдшеръ не обладалъ медицинскими знаніями и опытностію и ничего не дѣлалъ. Больница, и она была, въ гигиеническомъ отношеніи почти не отличалась отъ жилыхъ помѣщеній. Та же грязь съ кишасщими повсюду паразитами, тотъ же испорченный воздухъ и недостатокъ свѣта. О сидѣлкахъ и понятія не имѣли. За больными учениками обыкновенно ухаживали товарищи по назначенію старшихъ. Идти на ночь къ больнымъ—называлось идти на „сторѣжу“. И эта обязанность была самою неприятною и тяжелою. Приходилось неопытному ухаживать за больными, подавать имъ пить, перевертывать съ одного боку на другой, брать изъ подъ него загрязненное бѣлье и т. п. Лежалъ, напр., больной цингой, нѣкто Галаневичъ. Болѣзнь была такъ запущена, что выгнилъ весь бокъ и видны были кишки. Смрадъ отъ него шель невообразимый. Трудно было и подступить. Въ такомъ положеніи онъ потомъ и былъ взятъ родственниками. А то, бывало, не могли подступить и изъ-за паразитовъ. Ученикъ II кл. Полянскій очень долго чѣмъ-то болѣлъ и былъ признанъ безнадежнымъ. Его даже потомъ вынесли подъ лѣстницу, гдѣ онъ долго лежалъ безъ всякаго присмотра, заброшенный всѣми, тутъ онъ и умеръ. Носился слухъ, что онъ былъ заѣденъ вшами.

Помнится, выходишь съ ужина довольный — скоро отдыхъ отъ тяжелаго дня, вдругъ слышишь окрикъ своего старшаго: „Ковальскій, на сторѣжу!“ Кровь бросится въ лицо... Но идешь безпрекословно въ больницу, забиваешься въ уголъ куда-нибудь, сидишь и дрожишь. Больные вскакиваютъ со сна, бредятъ, стонутъ... Лампадка еле мерцаетъ... Страшно... Ждешь, не дождешься, когда забрезжитъ утренній свѣтъ. Уже не страшенъ и приближающійся день.

Жизнь казеннокоштныхъ учениковъ училища была очень однообразна. Утро. Инструкція, вывѣшенная на дверяхъ, между прочимъ гласитъ: лѣтомъ вставать съ постели въ 6 часовъ, а зимою и ранѣе. Дѣйствительно, еще до 6 ч. жизнь номера начинается постепенно пробуждаться. Въ ожиданіи общей молитвы одинъ повторяетъ урокъ, другой поправляетъ койку, третій подметааетъ полъ, этотъ чиститъ платье старшему, а тамъ двое завязали изъ-за чего-то драку. Но вотъ звонокъ на молитву. Для этого ходили въ столовую, но иногда молились и въ комнатахъ въ присутствіи своихъ старшихъ. Вычитывались всѣ утреннія молитвы. Послѣ молитвы до начала занятій ученики сдавали уроки своимъ аудиторамъ. Зав-

трака не полагалось. И только, когда я былъ въ III кл., стали давать по кусочку хлѣба, да и то недолго. Учебныя занятія начинались съ 8 часовъ и продолжались до 12. Было два урока по 2 ч. Это такъ называемые утренніе классы. Послѣ 12 часовъ давался звонокъ, возвѣщавшій объ обѣдѣ. Ввиду того, что столовая не могла вмѣстить всѣхъ учениковъ, было 2 смѣны. Во время обѣда учениками IV кл. по очереди читалось Евангеліе.—На содержаніе казеннокоштнаго ученика съ обувью и одеждой полагалось рублей 25, а то и менѣе, своекоштные же доставляли въ каждую треть продукты: корецъ (4 мѣры) ржаной муки, $\frac{1}{2}$ корца — пшеничной, $\frac{1}{2}$ корца—гречневыхъ крупъ и гелетка (мѣра)—ячныхъ, къ этому приплачивали 50 коп. на сало и конопляное масло. Кормили поэтому очень скудно, даже хлѣба не давали въ достаточномъ количествѣ. Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ двухъ блюдъ, борща да каши, помазанной въ скоромные дни саломъ, а въ постные — коноплянымъ масломъ. Довольны мы были, когда борщъ варился съ буракомъ (свеклой), а то и того не было: иногда угощали и червивой капустой или испорченнымъ картофелемъ или кашей изъ тухлыхъ крупъ, но на это мы не были въ претензіи. Въ нашемъ быту безъ этихъ маленькихъ неприятностей какъ будто уже и нельзя было обойтись. Къ этому приготавливали насъ уже въ семьѣ. „Вотъ погоди, постой, попадешь въ бурсу, скоро посадятъ тебя на сырую капусту, да на хлѣбъ съ водой“, бывало скажетъ дядя или мать, замѣтившіе, что я не охотно ѣмъ то или другое кушанье. А потому у меня еще дома съ бурсой соединялось представленіе какъ о такомъ мѣстѣ, гдѣ морятъ нашего брата голодомъ, жестоко сѣкутъ, запираютъ въ темную комнату и т. д., чтобы сдѣлать изъ насъ доблестныхъ гражданъ и примѣрныхъ служителей Православной церкви.

Изъ-за стола обѣденнаго мы выходили полуголодными. Когда я былъ въ III кл., столъ немного улучшили, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи. Въ тотъ годъ въ училищѣ появился тифъ, много учениковъ переболѣло, не мало и умерло. По этому случаю изъ Каменца былъ присланъ докторъ Караваевъ. Онъ обходилъ всѣ помѣщенія и классныя занятныя, былъ и въ столовой и, конечно, вездѣ встрѣтилъ грязь, неисправность; много кричалъ. Онъ предписалъ давать ученикамъ мясо. Было это предъ рождественскими каникулами. Отправляя учениковъ по домамъ, начальство приказало имъ привезти съ собой ножи и вилки. Я послѣ каникулъ тоже привезъ вилку и изломанный ножъ. Начали давать вареное мясо. При этомъ бывало такъ, что пришедшіе въ столовую раньше расхватывали мясо, и многіе оставались, поэтому, безъ мяса. По воскреснымъ

и праздничнымъ днямъ давали мяса нѣсколько болѣе. Тѣмъ не менѣе бурсаки постоянно голодали и изыскивали разнообразныя средства, чтобы найти возможность наполнить свои пустые желудки, не брезгуя даже воровствомъ. Такимъ образомъ и я съ первыхъ же шаговъ жизни въ Приворотѣ былъ наученъ опытно, какъ нужно сохранять попадавшееся иногда мнѣ съѣстное.

Мать моя, отправляясь въ путь, захватила съ собою два коровака черного хлѣба и съ пудъ сухарей. По прибытіи своемъ въ село мы остановились на квартирѣ. Ученики какъ-то пронюхали, что у меня есть съѣстное, и обратились ко мнѣ вѣжливо: „любезнѣйшій, дай намъ по кусочку хлѣба“. Я, незнакомый еще съ ученической жизнью, безпрекословно далъ. Съѣвши данное, они вторично обратились со своею просьбой, я и тогда удовлетворилъ ихъ. Къ вечеру послѣ хожденій къ смотрителю, различныхъ тревоженій по поводу отъѣзда матери я почувствовалъ голодь. Иду къ сундуку, открываю его и съ ужасомъ вижу, что онъ пустъ: и хлѣбъ и сухари безслѣдно исчезли. А то бывало прослышать ученики, что такой-то изъ ихъ товарищей получилъ изъ дому посылку съ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ, начинаютъ выслѣживать и искать случая поживиться имъ, устроить себѣ угощеніе, которое называлось на нашемъ языкѣ „караваномъ“.

Былъ у насъ ученикъ Петринскій, сынъ чиновника, постоянно получавшій изъ дому продовольствіе и державшій его въ своемъ сундучкѣ подъ ключемъ. Разъ, помню, была на завтра географія. Нужную карту на занятую взяли ученики квартирныя и возвратили ее очень поздно. Пришлось заниматься послѣ ужина. Для того, чтобы не обратить на себя вниманіе начальства, мы стянули съ коекъ одѣяла, завѣсили имъ со всѣхъ сторонъ столъ и забрались со свѣчею въ этотъ импровизированный шалашъ, „показывать по картѣ“. Петринскій спалъ. Кто-то изъ занимавшихся подалъ мысль: „слушайте, у Петринскаго въ сундукѣ есть и сухари, и сало, и масло, я самъ бачивъ. Ну-ка возьмемъ!“ Сказано-сдѣлано. Подошли къ его сундуку, вскрыли какимъ-то образомъ, взяли все находившееся здѣсь и снова замкнули замокъ. Присутствующіе расположились угощаться. Одинъ шутникъ захотѣлъ посмѣяться надъ пострадавшимъ и разбудилъ его, говоря: „Антонъ, караванъ пришелъ, вставай, будешь ѣсты“. Тотъ радъ даровщинкѣ, вскакиваетъ съ койки и благодаритъ товарищей, не забывшихъ его: „добрѣ що збудылы“. Закусили прилично. На другое утро Петринскій къ сундуку—вздумалъ позавтракать. Можно представить его разочарованіе и досаду, когда онъ не нашелъ въ немъ ничего... Понялъ, бѣдняга, въ чемъ дѣло, да было поздно. Ругался... А жаловаться не смѣлъ: выбили бы.

Лица, имѣвшія на рукахъ деньги, могли обходиться безъ этого или подобнаго неблаговиднаго способа добыванія себѣ пропитанія.

Къ ихъ услугамъ за воротами бурсы были и жидки и жинки, продававшіе всякую снѣдь въ видѣ хлѣба, коржей, варениковъ, блинцевъ и т. п. Но немного было среди насъ такихъ богачей. Мать моя, напр., давала копѣекъ 10 на всю треть—не долго на эти деньги можно было пороскошествовать.

Въ лѣтнее время ученики расширяли свою дѣятельность по добыванію себѣ пищи. Сады были полны фруктами, огороды—сѣдобными овощами. И вотъ на нихъ совершались набѣги, какъ общіе въ нѣсколько человѣкъ, такъ и одиночные. Крестьяне, наученные прошлыми годами, зорко стерегли свое добро. Но бурсаки умѣли перехитрить ихъ. Бывало, что голодный охотникъ и попадетъ въ руки хозяина. Послѣдній, не осмѣливаясь наказать его собственноручно, обыкновенно тащилъ пойманнаго къ училищному начальству. Ученикъ въ этомъ случаѣ какъ-нибудь ухитрялся (бросалъ, напр., песокъ, табакъ въ глаза крестьянину) и убѣгалъ или же силою былъ освобождаемъ своими товарищами, хорошо понимавшими, въ чемъ дѣло. Если же никакія ухищренія не удавались, виновный приводился къ смотрителю, который, кромѣ словеснаго внушенія, конечно, подвергалъ его жестокому наказанію розгами, послѣ чего еще ставилъ на колѣни у столба съ солнечными часами.

Бывали и курьезы на почвѣ голодовки. Дѣло было подъ осень. Нѣсколько учениковъ ходили по церковному погосту и между прочимъ заспорили о томъ, кто больше всѣхъ можетъ сѣсть сливъ. Нѣкто Максимъ Савинскій, мальчикъ постоянно угрюмый, заявилъ: „я могу за 10 грошей сѣсть“. А на грошъ давали тогда 100 сливъ. Выходило, нужно было сѣсть 1.000 штукъ. Товарищи отнеслись къ такому заявленію недоувѣрчиво и начали подзадаривать: „Але не зъишь“. „Зъимъ“. „Смотри, будэмъ биты“.

Кое-какъ сложились на 10 грошей, пошли въ ближайшій садъ, купили у жида 1.000 сливъ. Ёсть нашъ Савинскій, ёсть; обмануть никакъ нельзя—наблюдаетъ нѣсколько десятковъ глазъ. Чувствуетъ, что желудокъ полный, тяжело дышать, смотреть—сливъ еще хорошая половина. Что же онъ дѣлаетъ? Не отказывается отъ затѣи, а ложится на землю и лежа, но все-таки продолжаетъ ёсть... и сѣлъ. Думали, что онъ „лопнетъ“, но ничего.—Конечно, худо было ему, но къ какимъ-либо серьезнымъ послѣдствіямъ эта затѣя не повела.

Ежедневно голодая, многіе ученики сбѣгали изъ училища. Разъ и со мною случилась такая исторія. Я былъ уже въ III классѣ.

Въ одно изъ воскресеній, когда послѣ обѣдни ученики бывали предоставлены самимъ себѣ, не заняты и когда вслѣдствіе этого голодъ давалъ себя чувствовать сильнѣе, я не могъ выдержать и побѣжалъ по дорогѣ по направленію въ Каменецъ. Къ счастью меня встрѣтилъ одинъ ученикъ изъ квартиры, родственникъ.

— „Куда ты идешь?“ спрашиваетъ онъ.

— „Ей Богу“, говорю, утечу до дому. Я исты хѹчу, не могу вытрематы“.

— „Да тебя поймають и сильно будутъ бить“...

Онъ повернулъ меня обратно, привелъ къ себѣ на квартиру, далъ кусокъ хлѣба и тѣмъ спасъ меня отъ наказанія.

Возвращаюсь къ распредѣленію нашего учебнаго дня.—Послѣ обѣда до двухъ часовъ былъ перерывъ въ занятіяхъ. Въ это время ученики обыкновенно предавались играмъ, и только нѣкоторые неспособные приготавливали уроки къ позднимъ классамъ. Игры наши не отличались разнообразіемъ и не были оригинальны. Играли въ мячъ—(„квасокъ, мѣты“); изъ комнатныхъ игръ помню: „сороку“ и „въ перышки“. Обладавшіе способностью рисовать малевали картинки. Было въ ходу рисованіе „подъ формы“. Бралась вощенная бумага, накладывалась на выбранный рисунокъ, который переснимался и раскрашивался. Даже самое начальство иногда поручало такимъ искусникамъ разрисовывать похвальные листы, которые давались особенно успѣвающимъ ученикамъ въ награду. Мнѣ однажды самому дали такой похвальный листъ, который былъ тушью разрисованъ—изображены были столбики, а по нимъ вьющіеся цвѣты.—Читали мало. Библіотеки, изъ которой ученики могли бы получать для чтенія книги, кромѣ учебниковъ, не было. Правда, попадались книжки, но ихъ было очень мало, да и принадлежали онѣ къ лубочнымъ изданіямъ, напр. Ерусланъ Лазаревичъ, Бова Королевичъ, Ринальдо Ринальдони и т. п. Такія книжки привозились самими учениками изъ домовъ родителей.

Въ 2 часа былъ звонокъ на поздніе классы, продолжавшіеся до четырехъ часовъ; послѣ того ученики расходились по своимъ номерамъ и начинались вечернія занятія—подготовка уроковъ къ слѣдующему дню. Тутъ являлась на сцену пресловутая зубрежка. Заданное учили безъ пониманія наизустъ изъ слова въ слово. Часто за этою трудной работой ученикъ и засыпалъ надъ книгою, особенно изъ малышей, еще не привычныхъ къ ней. Во время занятыхъ иногда проходилъ по комнатамъ инспекторъ. При видѣ его гулъ сейчасъ же смолкалъ. И горе тому, кого онъ замѣчалъ спящимъ. Спѣшно подходилъ къ нему и громко кричалъ: „Ты спишь? Ишелъ“... Бѣдняга зналъ, куда идти, и получалъ 3—5 горячихъ.

Этимъ, кажется, и ограничивалось воспитательное воздѣйствіе нашего инспектора. Иногда онъ спрашивалъ того или другого изъ насъ, знаетъ ли онъ урокъ, давалъ вопросы. Если ученикъ оказывался неподготовившимъ урокъ, подвергался той же участи безъ разсужденія, могъ ли онъ успѣть его выучить или нѣтъ. Въ это же время инспекторъ наблюдалъ и за убранствомъ комнаты и порядкомъ ея. Если замѣчалъ, что кровати не были убраны, наказывалъ владѣльцевъ ихъ. Разъ усмотрѣлъ, что на моей кровати не было одѣяла. „Чья кровать?“ властно спросилъ онъ. „Моя“. „Почему нѣтъ одѣяла?“ „Не имѣю“. „Ишелъ“... Потомъ мнѣ, какъ казенно-коштному, было дано рваное одѣяло. Рады мы были, когда скрывался за дверями нашъ благостный воспитатель... Занятныя оканчивались въ 9 часовъ, когда слышался звонокъ на ужинъ, который происходилъ также въ двѣ смѣны, какъ и обѣдъ. Ужинъ былъ очень скудный. Давали супъ, засыпанный крупами (кулешъ) и сдобренный масломъ или саломъ, изрѣдка жидкую ячменную кашу съ кусочкомъ хлѣба. Послѣ ужина происходила вечерняя молитва. Вычитывались всѣ положенныя молитвы, пѣлись хоромъ тропари, напр. преп. Сергію, которому посвященъ былъ училищный храмъ, св. Николаю Чудотворцу, праздничные тропари и стихиры. На молитвѣ присутствовали смотритель и инспекторъ. Въ 10 часовъ по инструкціи свѣча должна быть потушена; всѣ ученики должны ложиться спать. Жизнь повидимому потухала. На самомъ же дѣлѣ очень часто она съ этого-то времени принимала оживленный характеръ, особенно среди старшихъ воспитанниковъ. Послѣдніе раздобывали водки, которая была очень дешева, и начиналась попойка подъ покровомъ ночи. Шли разговоры задушевные, рассказывались исторіи; нѣкоторые садились за карты. Такимъ образомъ бурсаки отдыхали и вмѣстѣ оживали отъ гнетущей ихъ обстановки, изъ манекеновъ обращались въ живыхъ людей. Нѣкоторые изъ великовозрастныхъ чрезъ окно убѣгали въ село и тамъ кутили съ знакомыми крестьянами или же клирошанами. Бывали и у приходскаго священника. На такой почвѣ было даже совершено преступленіе. Одинъ изъ великовозрастныхъ учениковъ IV кл. Баранецкій частенько хаживалъ къ священнику. Не обходилось, конечно, и безъ вышивки. Разъ въ пьяномъ видѣ священникъ похвалился, что у него есть 19 рублей серебромъ. У Баранецкаго явилось желаніе завладѣть ими. Въ свой преступный планъ онъ посвятилъ еще двухъ челоуѣкъ и привлекъ ихъ къ соучастію съ собою. Наканунѣ зеленыхъ праздниковъ (Троицына дня) пробрались они въ домъ священника, который, кстати сказать, былъ одинокій, вошли въ комнату, гдѣ онъ спалъ, и задушили его полотенцемъ. Совершивши

преступленіе, всѣ три сначала скрывались на колокольнѣ, а потомъ убѣжали на сѣнокосъ, называемый Рудкою. Въ Троицынъ день крестьяне, долгое время напрасно ожидая батюшки, прошли въ его квартиру и нашли его уже мертвымъ, при чемъ у него въ глоткѣ оказалось битое стекло. Баранецкій со своими товарищами потомъ были уличены въ преступленіи, пойманы, судимы, наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь.—Но на-ряду съ темными личностями, подобными описаннымъ, между бурсаками были люди совершенно иного настроенія. Изъ нихъ особенно выдѣлялся упомянутый уже Даниль Стрѣльбицкій. Онъ отличался набожностью. Часто ночью можно было видѣть его колѣнопреклоненно молящимся. Впрочемъ, онъ скрывалъ отъ другихъ такія дѣйствія и лишь слышалъ шорохъ шаговъ или замѣчалъ какъ-нибудь, что за нимъ наблюдаютъ, тотчасъ же забирался подъ одѣяло и притворялся спящимъ. Всегда забитый, несчастный, носящійся съ книжкою, онъ во время молитвы преображался. И я, будучи маленькимъ еще, видя освѣщенное мерцающимъ свѣтомъ лампадки его лицо, хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ также горячо молиться.

По субботамъ и въ дни предъ праздниками распределение времени было нѣсколько иное; занятія продолжались лишь до 3-хъ часовъ. Вечеромъ отправлялось всенощное бдѣніе. Особаго духовника священника въ училищѣ не было; его обязанности исполнялъ приходскій священникъ, а потому хотя и былъ училищный храмъ, но въ немъ совершалось богослуженіе только въ зимнее время, лѣтомъ же ходили въ приходскую церковь. Прихожане богослуженіе посѣщали неохотно, а потому богомольцевъ, кромѣ учениковъ, почти никогда не было. Пѣлъ всегда училищный хоръ подъ управленіемъ особаго регента—ученика изъ бывшихъ архіерейскихъ пѣвчихъ. На службахъ нѣкоторыя пѣснопѣнія, какъ напр. „Свѣте тихій, Единородный Сыне, Иже херувимы, „концерты“ исполнялись по партесному. Службы были очень продолжительны, потому что все положенное по уставу вычитывалось. Въ церковномъ чтеніи участвовали исключительно ученики. Особенно любили читать и слушать Апостоль. Были такіе, которые щеголяли своимъ басистымъ чтеніемъ и всегда старались удерживать за собою пальму первенства. Удачно прочитанный апостоль—событіе дня, дававшее пищу для бурсацкихъ разговоровъ. Въ наше время прекрасными чтецами считались Главацкій и Гвоздецкій. Они всегда конкурировали и однажды даже изъ-за апостола затѣяли на клиросѣ драку. Эти два порядочные дѣтины, свирѣпо сверкая глазами, били другъ друга и въ грудь, и въ животъ, и въ зубы, и все это молча, а только тяжело дыша; бились до тѣхъ поръ, пока Главацкій не оказался

побѣдителемъ. Кстати замѣчу, что онъ, вышедши вскорѣ изъ училища, набралъ шайку бродягъ и занимался разбойничьими нападеніями на помѣщиковъ, предварительно ограбивъ своего отца-священника.

Такъ проводили свою жизнь ученики Приворотскаго духовнаго училища. Нѣсколько оживлялась она только съ наступленіемъ теплыхъ и сухихъ дней весеннихъ. Тогда представлялась возможность послѣ занятій уйти въ поле, въ лѣсъ и отрѣшиться хоть на нѣсколько часовъ отъ той непріятной обстановки, какая окружала насъ и которая давила въ насъ все хорошее. Пообѣдавши, обыкновенно большинство учениковъ и спѣшило на просторъ, чему не препятствовало и начальство. Къ позднимъ классамъ снова всѣ собирались съ тѣмъ, чтобы въ 4 часа и до ужина отправиться, куда глаза глядятъ за нѣсколько верстъ отъ Приворотья. Это имѣло важное значеніе для учениковъ, потому что укрѣпляло насъ физически, спасало отъ болѣзней и слабосилія, неизбежныхъ при такомъ плохомъ питаніи и такихъ невозможныхъ гигиеническихъ условіяхъ, въ какихъ мы жили.

Къ нашимъ весеннимъ удовольствіямъ можно отнести рекреации, падавшія обыкновенно на 1, 15, а иногда и 30 мая. Если въ указанная числа день выдавался хорошій, ученики старшаго класса предъ первымъ урокомъ объявляли въ остальныхъ классахъ, что нужно идти къ смотрителю и просить разрѣшенія устроить рекреацию. На этотъ призывъ выходили ученики всѣхъ классовъ къ квартирѣ своего начальника, размѣщались на крыльцѣ, въ передней и предъ окнами и хоромъ начинали просить его: *emenentissime pater, rogamus recreationem*“. Смотритель сразу обыкновенно не показывался, а потому пѣвчіе затягивали пѣсню:

Привѣтствуемъ съ прекраснымъ маемъ,
Тебя, начальникъ, нашъ отецъ,
Привѣтствуетъ и всѣ взываемъ:
Внемли желаніямъ сердець!
Въ сей день толико вождельный,
Когда въ весельи зрится міръ,
И птички мелкія стадами
Спѣшатъ, спѣшатъ на общій пиръ,
Въ сей день толико вождельный,
Когда цвѣтетъ земля, какъ рай,
Позволь начальникъ нашъ любезный,
Почтить забавой свѣтлый май!..

Часто эта пѣсня повторялась нѣсколько разъ, прежде чѣмъ вызывала зрителя. Наконецъ онъ выходилъ, но предварительно напускалъ строгій видъ, ломался, отказывалъ и только послѣ усиленныхъ просьбъ склонялся и разрѣшалъ намъ рекреацію. Восторгу малышей не было конца. — Даже провинившихся въ чемъ-либо учениковъ наше строгое начальство не имѣло силы лишать весенняго праздника и, наказавши немного, позволяло присоединиться къ остальнымъ. Помню, я разъ приѣхалъ съ пасхальныхъ каникулъ какъ разъ на рекреацію, а такъ какъ я не привезъ съ собою никакой официальной бумаги, оправдывающей мое опозданіе, то и былъ вмѣстѣ съ тремя другими учениками посаженъ въ пустомъ корридорѣ. Отъ скуки намъ вздумалось поразвлечься, нашелся мячъ, и мы начали играть въ мѣты. Играли съ увлеченіемъ. Какъ разъ въ это время проходитъ зритель, приготовившійся ѣхать на рекреацію; услышалъ шумъ и идетъ къ намъ.

— „Вы что тутъ дѣлаете?“ крикнулъ онъ. Невѣдомо откуда взялись розги, дали намъ по три; „ступайте“, заключилъ послѣ этого зритель, и мы довольные такою развязкою, конечно, поспѣшили воспользоваться дарованною свободою и удовольствіемъ.

По полученіи разрѣшенія на рекреацію тотчасъ же посылались особо выбранные „строители“ въ лѣсъ, чтобы облюбовать мѣсто и выстроить тамъ палатки для помѣщенія начальствующихъ, учителей и постороннихъ гостей. Палатки эти дѣлались изъ древесныхъ вѣтвей; для этого же иногда вырывались съ корнемъ небольшія березки. Прежде по лѣсамъ было не такъ строго. Обыкновенно строились два шалаша. Въ день рекреаций обѣдъ подавался раньше. Наскоро поѣвши, ученики съ пѣснями выходили со двора училища въ назначенное мѣсто въ лѣсу.

За учениками слѣдомъ ѣхали повозки, одна была подъ провизіей, а на другихъ сидѣли жены учителей съ дѣтьми. По дорогѣ ученики пѣли пѣсни патріотическаго характера, какъ напр. „Грянулъ внезапно громъ надъ Москвой“. Къ этому шествію иногда присоединялись подводы, на которыхъ ѣхали сосѣдніе съ Приворотьемъ бабушки съ матушками и дочками. По прибытіи на мѣсто наши гости размѣщались по палаткамъ и угощались, а мы разбѣгались по лѣсу или затѣивали игры, въ которыхъ принимали участіе и учителя.

Къ рекреаціямъ любители изъ учениковъ иногда разучивали малороссійскія пьесы и давали ихъ на открытомъ воздухѣ. Участвующие переряживались соотвѣтственно полу изображаемыхъ лицъ и гримировались; мастеромъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкто Варицкій. Представленіе выходило очень недурнымъ. Помнится, играли „На-

талку Полтавку“; въ этой пьесѣ особенно выдѣлялся своею игрою Марко Лисѣцкій, отличавшійся и видимою, красивою наружностію, и прекраснымъ голосомъ. Присутствовавшіе учителя и гости много ему аплодировали. Кромѣ представленія, предъ палатками пѣли пѣсни и русскія и малороссійскія. Затѣмъ, всѣмъ ученикамъ давали закусить по куску хлѣба, а иногда и булки, который запивали пивомъ. Пиво это было особое, такъ называемое, дубельтовое. Привозился цѣлый боченокъ. Въ извѣстное время предлагали подходить, и распорядитель наливалъ пиво въ стаканы, которыми ученики предварительно запасались. Наше празднество продолжалось до поздней ночи, часовъ до 11—12, когда давался знакъ къ отправкѣ въ училищный корпусъ. Возвращались тоже съ пѣснями. Въ столовой уже ждалъ насъ скромный ужинъ.

На сколько былъ приятенъ день рекреаціи, настолько же неприятенъ слѣдующій. Уроки не выучены, голова послѣ недостаточнаго сна не свѣжа. Бурсаки пускаются на хитрости. Находится балагуръ, передѣвается жидомъ, замазываетъ фізіономію сажей, беретъ курицу въ руки и въ такомъ видѣ идетъ къ зрителю. Здѣсь онъ представляетъ какую-нибудь смѣшную сценку и въ заключеніе проситъ освободить учениковъ отъ уроковъ. Иногда зритель дарилъ „уроки“.

Съ 1-го іюля начинались лѣтніе экзамены. Особого времени на подготовку не назначали. Спрашивали, особенно лучшихъ учениковъ не по всѣмъ предметамъ, а по какому-либо одному. Исключеніе составляли плохіе по успѣхамъ ученики. Они подвергались полному испытанію. Кто не отвѣчалъ, сѣкли. Такимъ образомъ одинъ изъ моихъ товарищей въ одинъ день былъ битъ 7 разъ, потому что не удовлетворялъ экзаменаторовъ своими отвѣтами по всѣмъ семи предметамъ. Предъ рождественскими каникулами также производились экзамены.

Для того, чтобы не оставаться въ бурсѣ, почти всѣ ученики, даже и не имѣвшіе близкихъ родственниковъ, уходили и на рождественскія и на пасхальныя каникулы и на масляницу, не говоря уже о лѣтнихъ. Зимой и раннею весною эти путешествія были сопряжены съ большими трудностями и опасностью для здоровья. Одежды теплой не было, а какая и обрѣталась, то была плохая, особенно у казеннокоштныхъ. По недостаточности средствъ и обуви и сюртуки были изъ недоброкачественнаго матеріала и скоро изнашивались. Дадутъ сапоги, смотришь чрезъ мѣсяцъ ужъ и пальцы видно. Большую часть года ходили босыми. Въ годъ моего поступленія мнѣ былъ сшитъ желтый сюртукъ изъ старыхъ, порванныхъ одѣялъ. Я, сирота, и тому былъ радъ! Но все это плохо защищало

отъ холода, особенно во время поѣздокъ. Ёдешь, бывало, въ такомъ скрутчкѣ на Рождество. Морозъ, вѣтеръ... зубъ на зубъ не попадетъ. Соскочишь съ воза или съ саней, думаешь, на бѣгу согрѣешься, пальцы на ногахъ начнетъ щипать. Ждешь, не дождешься, когда зачернѣетъ корчма. Остановишься, отогрѣешься; но не надолго. Не удивительно, что такія путешествія оканчивались не всегда благополучно. Иной пріѣдетъ домой съ обмороженными ногами, другой—руками, а меня однажды внесли въ домъ дяди въ безсознательномъ состояніи: дорогою заболѣлъ горячкою.—Другое дѣло было лѣтомъ.

Путешествія тогда совершались цѣлыми кучками бурсаковъ и пѣшкомъ. При этомъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни провизіи, ни денегъ, пробивались или Христовымъ именемъ у крестьянъ, или просили у священника, къ которому наряжалась для этого особая депутація. Нерѣдко она надѣлялась и хлѣбомъ и молокомъ, а чаще возвращалась ни съ чѣмъ. Въ крайнихъ случаяхъ бурсаки прибѣгали и къ похищенію разной снѣди.

Жизнь въ каникулярное время у родственниковъ для насъ сиротъ была не сладка. Никому, очевидно, не хотѣлось имѣть въ домѣ лишній ротъ. Постоянно приходилось слышать упреки, замѣчать сердитые взгляды. „На что вы сироту взяли?“ такъ разъ встрѣтилъ дядя своихъ сыновей, пригласившихъ меня на Пасху. Легко ли было проводить двѣ недѣли въ такомъ домѣ? Заплачешь иногда, вспомнишь покойнаго отца... Для того, чтобы заглушить въ себѣ горькое, неприятное чувство, весь погружаешься въ работу. Особенно въ лѣтнее время я работалъ и на полѣ, и на огородѣ, и въ клунѣ наравнѣ съ заправскимъ наймитомъ.

Въ Приворотскомъ духовномъ училищѣ я учился 7½ лѣтъ. Въ самомъ началѣ 1847 года по ходатайству смотрителя Нектарія два старшихъ класса изъ Приворотья были переведены въ гор. Барь. Мотивомъ для такого перевода были, кажется, личныя соображенія Нектарія, любимца митрополита Арсенія, а впоследствии занимавшаго должность ректора Петербургской духовной академіи ¹⁾. Въ Бару былъ монастырь, и смотритель, сдѣлавшись настоятелемъ его, получалъ значительно большее содержаніе.

Для училища былъ отведенъ монастыремъ полуразрушенный, домъ, половина котораго была нѣсколько отремонтирована. Впрочемъ, и послѣ отстройки стѣны зданія были очень плохи, и когда за городомъ шло артиллерійское ученіе, то отъ стрѣльбы стѣны эти положительно тряслись.

¹⁾ Умеръ архіепископомъ харьковскимъ.

Зданіе было двухэтажное, на верху помѣщался IV классъ, а внизу—третій. Прежде и самый монастырь и зданія принадлежали францисканцамъ; здѣсь у нихъ существовала четырехклассная школа. Когда мы явились туда, то застали на дверяхъ комнатъ надписи польски: пирша... друга... тшеча... чварта клясса повятова.

Жизнь въ Бару мало чѣмъ отличалась отъ Приворотской. Кормили только еще хуже, чѣмъ тамъ, потому что тѣ средства, какія отпускались прежде на одно училище, были подѣлены на два. Къ богослуженіямъ ходили въ монастырскую церковь. Учащихся въ барскомъ училищѣ было не много. Окончило насъ всего 32 чело-вѣка, которые потомъ поступили въ Подольскую духовную семинарію.

В. Сл. и Ѡ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

